

Закрытая книга

Сегодня
исполняется
100 лет
со дня рождения
Вениамина
Каверина

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Автор легендарных «Двух капитанов» достиг невозможного. В рамках вполне советского сюжета о разоблачении закатного злодея он сочинил совсем не советскую легенду о рыцарстве, героизме и благородстве, не имевшую никакого отношения к политике. Любовь и верность с легкостью поглотили все классовые битвы и даже целую мировую войну. Бороться с этой непозволительной дерзостью было уже бесполезно. Личное чувство оказалось намного важнее всевозможных показных общественных добродетелей.

Мне посчастливилось присутствовать на юбилее Каверина в ЦДЛ. На сцену вышел Константин Паустовский, немного задыхаясь от астмы. Его речь была на редкость дерзкой, хотя вся состояла из хрестоматийной цитаты: «Я скажу о Вениамине Каверине словами Пушкина. Во-первых, чем Каверин любезен народу? Что чувства добрые он лирой пробуждал. А во-вторых, опять же словами Пушкина скажу, что в наш жестокий век восславил он свободу и, хоть это и не принято сейчас, милость к падшим призывал. Милость — не современное чувство. Оно бы вымерло навсегда, если бы не Каверин. Если бы не такие люди, как он».

Конечно, Паустовский знал намного больше о жизни Каверина, чем мы, когда произносил такие слова. Зал очень долго аплодировал, стоя, и Каверину, и Паустовскому. Они в чем-то были очень похожи. Два очень родovitых, очень маститых, очень красивых, очень благородных джентльмена, непонятным, непостижимым образом угнездившихся в советской литературе.

Поклонение 50-х годов знакомило с «Двумя капитанами» по очаровательному цветному фильму,

собравшему 35 миллионов зрителей. До сих пор страна с удовольствием смотрит на редкость удавшийся телесериал «Открытая книга» — об открытии, а правильное сказать, о закрытии открытия пенициллина в СССР. Пенициллин открыли мы и, как водится у нас, тотчас свое открытие на всякий случай закрыли. Это закрытие унесло сотни тысяч жизней, которые были бы спасены во время войны, если бы не косность советской плановой системы, которая, как огня, боялась незапланированных открытий. Талант и гений всегда вне плана, всегда поверх барьеров. А социализм — это план.

Менее известна изумительная по тонкости трилогия Каверина «Освещенные окна» об одной русской эмигрантке, в чьей жизни отчетливо просвечивает судьба художницы Серебряковой. Трудно понять, каким чудом эта повесть прорвалась сквозь цензурные рогатки брежневской эпохи. Это было действующее окно, открытое в сад, глоток воздуха.

Не знаю, можно ли читать Каверина сегодня. Всякий печатавшийся советский писатель был обречен на массу условностей и политесов в сторону общепринятой советской демагогии. Тогдашний читатель не обращал никакого внимания на этот советский гарнир и жадно поглощал основное блюдо. Боюсь, что сегодняшнему читателю эти условности уже не понятны, слишком бросаются в глаза и заслоняют главное. Думаю, что литературный генофонд Каверина сохранится для будущего прежде всего в кинофильме «Два капитана» и в телесериале «Открытая книга», а бла-

В прошлом году герои «Двух капитанов» запели и затанцевали в мюзикле «Норд-Ост».

годаря им самые вдумчивые кино- и телезрители обязательно откроют и книги Вениамина Александровича Каверина (Зильбера), талантливому ученику и последователю ярчайшего Юрия Тынянова.

Страшно подумать, что Каверин стал студентом историко-филологического факультета Московского университета в 1919 году, в самый разгар официально объявленного красного террора, когда людей убивали в домах и на улицах за отсутствие на руках трудовых мозолей. В стране бушевал террор, власти расстреливали как заложников гимназистов, студентов, жен и невест офицеров, мстя за свои поражения на фронтах гражданской войны, а Каверин изучает филологию. В 20-м году он рокируется с Лениным. Тот вместе с большевистским правительством перебрался в Москву, а Каверин переводится в Петроград, заканчивает университет, поступает в аспирантуру и в 1929 году защищает диссертацию «Брамбеус. История Осипа Сенковского». Параллельно с научной деятельностью он уже в 1921 году вместе с Зощенко основывает группу «Серрапионовы братья». Это была утопическая попытка в условиях диктатуры прорубить литературное окно в Европу. «Два капитана» создаются в 36—44 годы. Тут комментarii излишни. Ясна и главная тема: как в самых нечеловеческих условиях остаться человеком. Это и есть основной каверинский сю-

жет. И пишет он своих героев прежде всего с себя. Он сумел сохранить как личность и в лютот 1919-м, и в не менее лютот 1937-м, и в годы борьбы «с низкопоклонством перед Западом» и с «космополитизмом», когда Каверина должны были расстрелять дважды — и как еврея, и как основателя «Серрапионовых братьев». То, что он выжил, — чудо, но еще большее чудо, что он остался не сломленным, благородным и интеллигентным человеком, как все его герои. Эпиграф к «Двум капитанам»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!», становится понятным только сейчас. Бороться со злом в себе. Искать и найти себя. А найдя, ни в коем случае не сдаваться. Это заповеди настоящего благородства, подтвержденного его книгами и его жизнью.

В сказке «Летающий мальчик» Каверин высказал свою любимую мысль. Не надо чуду шумно удивляться, а то чудо обидится и уйдет. Чудо надо принимать тихо, спокойно и естественно. Именно так Каверин относился к жизни. Он придумал сказочный город Немухинск, где живут только хорошие люди и добро всегда побеждает. Еще Гоголь объяснял нам в развязке к «Ревизору», что город писателя — это душа человеческая. Так что каверинский Немухинск, где на весь город один злодей и его побеждают, — это рассказ о том, каким был бы наш мир, если бы творцом его был Каверин.